

УДК 94(470)»16/18»+355.48»1654/1667»:930.2+81'27

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.8>

А. И. Прокофьев

ТРИНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1654–1667 ГГ. И «ОСВОБОЖДЕНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА И ПРИМЕНЕНИЯ НАРРАТИВА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Русская историография второй половины XVII – первой половины XIX вв. сконструировала модель, из которой объяснялись бы замыслы, цели и ход военных действий в 1654 – 1667 гг. Семантическая единица «освобождение» и ее синонимы позволяли говорить об «освободительной» составляющей войны Московского государства с Речью Посполитой. Во второй половине XVII в. появился общий нарратив войны с религиозным наполнением (И. Гизель). Во время Великой Северной войны 1700–1721 гг. от него отделилась секуляризованная версия (А. Манкеев). Периодизация нарратива построена на двух моментах: разделении на два дискурса во второй половине XVII – первой половине XVIII вв.: на религиозный и политический; с довольно прозрачной границей. И размеченном рубеже, по которому углубились и расширились дискурсы в семиосфере имперских историков, проходящем по ноябрьскому Польскому восстанию (политическое влияние), 1830–40-е гг. (идеологический ракурс). Под политическим влиянием понимается первая фаза деполонизации земель Литовского и Белорусского генерал-губернаторств после польского Ноябрьского восстания (1830–1831 гг.). Идеологическим ракурсом видятся: прора-

ботка «триады» С. С. Уварова со стороны историка Н. Г. Устрялова; Полоцкий собор 1839 г. – акт ликвидации униатской церкви на землях Белоруссии и Литвы. Оба фактора, резко усилившие церковное влияние в историографической эволюции Тринадцатилетней войны, фактически возвращали семиозис к допетровской эпохе. Применение двух моделей не вело к конфликту языков описания, скорее сосуществованию. Цель исследования заключается в нахождении и интерпретации семантических единиц в историографии. Изучение нарративных свойств «освобождения» производится через оптику исторической семантики, семиотики и герменевтики.

Ключевые слова: Тринадцатилетняя война, Московское государство, «освобождение», нарратив, язык описания.

Для цитирования: Прокофьев А. И. Тринадцатилетняя война 1654–1667 гг. и «освобождение»: особенности генезиса и применения нарратива в русской историографии (вторая половина XVII – первая половина XIX в.). // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 583–590. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.8

Alexandr I. Prokofiev

THIRTEEN YEARS' WAR 1654–1667 AND «LIBERATION»: PECULIARITIES OF GENESIS AND APPLICATION OF NARRATIVE IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY (SECOND HALF OF THE 17TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES)

Russian historiography of the second half of the 17th – the first half of the 19th centuries constructed a model that would explain the plans, goals and course of hostilities in 1654 – 1667. The semantic unit «liberation» and its synonyms made it possible to talk about the «liberatory» component of the war between the Moscow State and the Polish-Lithuanian Commonwealth. In the second half of the XVII century a common war narrative with religious content appeared (I. Giesel). During the Great Northern War of 1700 – 1721 a secularized version separated from it (A. Mankeev). The periodization of the narrative is built on two points: the division into two discourses in the second half of the 17th – the first half of the 18th centuries: religious and political; with a fairly see-through border. And the marked line, along which discourses deepened and expanded in the semiosphere of imperial historians, passing through the November Polish uprising (political influence), the 1830–40s. (ideological perspective). Political influence is understood as the first phase of the depolonization of the lands of the Lithuanian and Belarusian Governorate-General after the Polish November Uprising (1830–1831).

From an ideological perspective, they see: the elaboration of the «triad» of S. S. Uvarov by the historian N. G. Ustryalov; Synod of Polotsk in 1839 – an act of liquidation of the Uniate Church in the lands of Byelorussia and Lithuania. Both factors, which sharply increased the church influence in the historiographic evolution of the Thirteen Years' War, actually returned semiosis to the pre-Peter era. The use of the two models did not lead to a conflict of description languages, but rather to coexistence. The aim of the study is to find and interpret semantic units in historiography. The study of the narrative properties of «liberation» is carried out through the optics of historical semantics, semiotics and hermeneutics.

Key words: Thirteen Years' War, Moscow State, «liberation», narrative, descriptive language.

For citation: Prokofiev A.I. Thirteen years' war 1654–1667 and «liberation»: peculiarities of genesis and application of narrative in Russian historiography (second half of the 17th – first half of the 19th centuries) (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 583–590. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.8

Что приносила воинствующая вражда испокон веков? Смерть в ряды противоборствующих армий; населения, втянутого в военные действия; разную картину войны: оборонительной или наступательной / освобождающей или оккупационной. *Casus belli* раннего Нового времени, выводимый из религиозных соображений (не означая собственно религиозной войны – А. П.) – особенно для защиты единоверного населения или «очищения ереси» – до Вестфальского мира немаловажен (на фоне династического аргумента объявления войны). Тринадцатилетняя война 50–60-х гг. XVII в. на территории «Восточной Европы» – не последняя война подобного рода. Так или иначе, «диссидентский вопрос», связанный с православием и протестантизмом в истории Речи Посполитой после царя Алексея Михайловича, решался не одной силой оружия, но и мерами политического воздействия на Речь Посполитую.

Задачи исследования: 1) обозначить методологический инструментарий работы с материалом исторической семантики; 2) определить окказиональность / целенаправленность использования понятия «освобождение»; 3) разделить применение понятия и его синонимов в религиозном / секуляризованном пространстве; 4) выделить дискурсы, в которые «освобождение» помещалось.

Хронологические рамки работы обусловлены появлением «Синописа Киевского» И. Гизеля (нижняя рамка) и работами Н. Устрялова (верхняя рамка). «Синописис» стал не только мощной исторической компиляцией, выполненной в духе общерусского единства, но и был широко известен в XVIII в. (что подтверждается наличием вставок из «Синописа» в трудах А. И. Манкеева и М. В. Ломоносова). Н. Устрялов применил идеологему «православие – самодержавие – народность» в своих работах, которую министр народного просвещения С. С. Уваров предоставил в виде записки императору Николаю I за несколько лет до этого. Н. Устрялов стройно сформулировал и обосновал важность исторического исследования Великого княжества Литовского как органической части русской истории. Своими размышлениями, таким образом, придав свежий импульс западнорусизму.

Границы и случайность в появлении языковых единиц

Изучая особенности историографического накопления информации, необходимо избрать набор (но не универсальный; подобранный под решение задач – А. П.) инструментальных подходов. Разъяснение «освобождения» сопряжено с семиотическими и герменевтическими проблемами. Семиосфера, сформированная историографической традицией имперского периода, сообщает сведения об исторических событиях в разных дискурсах.

Х.-Г. Гадамер, говоря о единицах в языковых уровнях семантики и синтаксиса, вводит в их область явление окказиональности: «Окказиональность означает зависимость от конкретного случая, по поводу которого употребляется то или иное выражение. Герменевтический анализ мог бы показать, что такая зависимость от случая сама по себе не случайна, в отличие от окказиональных выражений типа «здесь» или «этот», которые, уже в силу своей семантической изолированности, не имеют определенного, поддающегося передаче содержания, а представляют собой пустые формы, позволяющие, по причине их пустоты, вкладывать в них любое содержание» [4, с. 66]. Приспосабливая параметр к понятию «освобождение», исследуется контекст завуалированного / умышленного появления на страницах исторических штудий.

Раскрытие «освобождения» в исторических трудах укладывается на временные отрезки. Граница научного и донаучного понимания войны 1654–1667 гг. возведена Н. Устряловым в конце 1830-х гг. За основу берется значение границы, представленное Ю. М. Лотманом: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»)). Как это бинарное разбиение интерпретируется — зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям. Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [10, с. 175]. Семиотика и герменевтика призваны выявить и воспроизвести протяженную инкорпорацию «освобождения» в семиотическом пространстве. Сам семиозис понятия – процесс развития языковой единицы в имперском историографическом ландшафте.

«Освобождение» и его дефиниция

В семиосфере Тринадцатилетней войны нарратив менялся до 1917 г. не кардинально. Скорее, переставлялись слагаемые, воздействующие на мировоззрение и историка, и его читателя. Религиозный и династический мотив оставался преобладающим, после 1917 г. сменившись классовой и национальной борьбой трех народов против польского: русского, белорусского и украинского. Марксистско-ленинская идеология, сменив «Бога» на «Класс» / «большую русскую нацию» на «русских, украинцев и белорусов», переформатировала традиционалистский взгляд историографии на прогрессивистский. Упрочивая идеологическое понимание истории. Такова оказалась цена «родовой травмы» всех применяемых единиц.

Обращаясь к истокам нарратива, вникнем в единицу «освобождение», ее современной полисемичной денотацией и десигнацией в прошлом

[Определение см.: 6, с. 87–88]. Понятие «освобождение» (в нашем понимании, не претендующим на исчерпывающее объяснение – А. П.) несет несколько значений:

- 1) индивидуальный / массовый акт, – от чего или кого-либо, ограничивающего свободу (с нейтральным / идеологическим оттенком);
- 2) освобождение от занимаемой должности / обязанностей, – акт, соотносящий власть и подчинение внутри определенного сообщества;
- 3) в дхармическом смысле – достижение мокши в индуизме и джайнизме / нирваны в буддизме;
- 4) освобождение как военно-политическое событие, сопряженное с боевыми действиями, операцией военного характера и т. д.

Обратимся к весьма абстрактным десигнам, предлагаемых в словарях первой половины XIX в. «Словарь Академии Российской» (1822 г.) предоставил такое объяснение: «Избавление, доставление свободы» [13, с. 387]. «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847 г.) содержит следующее определение: «действие освобождающего и освободившего» [14, с. 80]. Актор действия объединяется в одном лице. В первом прилагательном действие еще не завершено, во втором, напротив, закончено. Исходя из представления первой половины XIX в., проясняется лексико-семантическое проявление «освобождения» в историографии в качестве осуществленного действия.

Эпизод конвергенции, произошедший в 1830-е гг., увенчался успешностью «официальной народности». Этому способствовала религиозная частность Тринадцатилетней войны Московского государством с Речью Посполитой в 1654–1667 гг., да и схематичность «Синописа Киевского» эксплуатировалась в имперской историографии (с заметными изменениями).

Две версии войны: пример «Киевского Синописа» и «Ядра российской истории»

Симбиозу религии и политики, случившемуся в 70-е гг. XVII в., премного помог И. Гизель, архимандрит Киево-Печерской лавры. Им осуществлен синтез «милости Божией» со «всея великия и малыя и белыя России самодержцем» на страницах «Синописа Киевского» (1674 г.), обосновывая права на владение Киевом и защиту царского титула [5, с. 142–144]. Дополнительно архимандрит наделил государя эпитетами «отчича и дедича и наследника и государя и обладателя» к тем землям, на какие имеет династические права [5, с. 142]. В известной степени богослов заложил фундамент «западнорусистской» традиции. И. Гизель придал царю Алексею Михайловичу статус «освободителя», сформировав преимущество генерировать *casus belli* последующим монархам. Изменилась ли ситуация в XVIII в.?

А. Манкеев и М. Ломоносов, авторы двух общих курсов по истории России, уделили место Тринадцатилетней войне в разных пропорциях. М. Ломоносов, в «Кратком российском летописце» (1760 г.), кроме примечательных «летописных» фрагментов, не задерживал свой взгляд. Описание сводилось к следующему: «Сам Государь ходил с войском под Смоленск, и взяв его воевал во всей Польше, к чему заведенные им новые регулярные полки много помогали» [9, с. 44]. А. Манкеев, в «Ядре российской истории» (в 1770 г. труд издал Г. Ф. Миллер, а фактически, «Ядро» написано во время войны со Шведским королевством 1700–1721 гг. – А. П.), рассказал о событиях 1654–1655 гг.: «с войсками впал в Литву и сверх иных многих стольный город литовский Вилну взял. А потом Киев, Чернигов и Северское Княжение со всеми належавшими городами и пригородки от Польши оружием отвратил» [12, с. 354].

Далее, А. Манкеев погрузил читателя в предысторию Киева, окончательно закрепленного за Московским государством по Вечному миру 1686 г. Стилистически, «Ядро...» не столько копировало особенности текста «Синописа», сколько дополняло рассуждения И. Гизеля о «западнорусском наследии» [5, с. 142–144; 12, с. 354–356]. Что характеризует осведомленность Алексея Ильича (в шведском плену во время Великой Северной войны – А. П.) по части предшествующей ему историографической традиции.

Отступление от общей линии исторического повествования выделось, не брав в расчет божественный промысел завладения Киевом, политическим актом военных действий. Отражено это в перечне предшествующих царю Алексею Михайловичу «владельцев» города. Важными маркерами, акцентирующими первенство политического над религиозным в тексте стали: «Киев от Руси оторван»; «всю Украину под покровительство взял» (речь о царе Алексее Михайловиче – А. П.); «под рускую власть замирил, которые все и до ныне к самоначеству Рускому надлежат» (здесь говорится о царе Федоре Алексеевиче – А. П.) [12, с. 356].

Очевидно, что «Киевский синописис» не сильно уступил «Краткому российскому летописцу» в количестве и качестве информации о крупной войне середины XVII в. А «Ядро...» выявило не только мозаичный набор перипетий военного времени, но и дало тем, кто читал работу, понимание, почему и за что воевало Московское государство с Польско-Литовским. Вместе с этим, А. Манкеевым, как государственным служащим, проведена секуляризация исторических сведений о военной истории 50–60-х гг. XVII в., где религиозное начало не доминировало в допетровских пропорциях. Добавив к вышесказанному следующее: автор «Ядра...» допустил политическое видение Тринадцатилетней войны в русской историографии.

**Между «покорением» и «освобождением»:
ситуация первой половины XIX в.**

Начало XIX в. известно не одними многочисленными войнами Российской империи эпохи Александра I, а также укреплением интереса государства к истории. Н. М. Карамзин был назначен официальным историографом империи, история все больше отмежевывалась от словесности и философии при Императорском Московском университете. Что, разумеется, не служило преградой к появлению исторических сочинений вне академической среды за авторством П. Ю. Львова и Р. М. Зотова.

Речь пойдет о «Похвальном слове великому государю, царю Алексею Михайловичу, самодержцу всея России» (1806 г.), зачитанном в Императорской Российской Академии П. Львовым. Беглый обзор внешней политики Московского государства середины XVII в. и Тринадцатилетней войны 1654–1667 г. подается хвалой взятия Смоленска и Витебска, сокрушения польско-литовских войск, захватом в 1655 г. столицы Великого княжества Литовского – Вильны [11, с. 91–94].

Внимание привлекают языковые единицы, относящиеся к соединению двух сторон, Московского государства и Войска Запорожского. Первая: «Присоединение Малороссии к Великой России несносно было Королю Польскому и Крымскому Хану», считая их виновными в объявлении войны [11, с. 93]. Вторая: «Великая Россия ликует посреди торжеств, объемля возвращенных ей чад, кои приносят в дар Избавителю своему сердца, благодарностию и усердием пламенеющих» [11, с. 94]. Не отрицается завоевательный момент: «покорено Российской Державе более двух сот больших и малых городов» [11, с. 92].

Данное «повествование» сопрягало историческое начало с литературным, притом достаточно сильным. Создавая пафосное настроение, П. Львов прибегал к встраиванию гомеологии. Это применимо ко второму предложению, где звуковые повторы на «и» встречаются во всех частях слов [Определение см.: 17, с. 101]. Авторская речь обрела возвышенность и торжественность, воспроизводя необходимое представление читателю. «Освобождение» незаметно в прямом выражении по тексту, но согласовано в связи с «Избавителем». Апеллируя к образу царя Алексея Михайловича («Избавителя») и населения («чад») в качестве религиозных акторов, П. Львов литературными приемами связывает церковную версию войны И. Гизеля и секулярную А. Манкеева. Тем не менее, конвергенции в полном смысле не произошло, представившись позже, в 1830-е гг.

«Военная история Российского Государства» (1839 г.) Р. М. Зотова представила начало Тринадцатилетней войны идентично сведениям Д. Бантыш-Каменского и В. Берха. Религиозная

составляющая, отображенная в высказывании о «несчастном состоянии наших единоверцев, некогда принадлежавших общей матери-России», не вела к появлению эпитета «Избавитель» [7, с. 187–188].

Успехи кампании 1655 г. сообщены так: «Никогда еще Русское оружие так далеко не простиралось на запад; никогда победы и завоевания не были так блистательны»; в тексте наличествует отсылка к «древнерусскому наследию Святого Владимира» [7, с. 191]. «Освобождение» не соотносилось здесь с завоеванием, поэтому Тринадцатилетнюю войну представляется «освободительной». Или «войной за возвращение», как и написал Р. Зотов: «Россия окончательно приобрела возвращение Смоленска, Северской области с округами, как то: Дорогобужем, Невелем, Белицей, Себежем, Красным, Велижем и всеми землями от Днепра и Киева до Путивля. Киев и Монастырь Печерский оставался во временном владении России» [7, с. 195].

Р. Зотов не выступил на страницах «Военной истории...» самостоятельным автором, подобно П. Львову, скорее отличился историографической компиляцией. Несамостоятельность исторических оценок объясняется практически прямым заимствованием из текстов Д. Н. Бантыш-Каменского, В. Н. Берха, И. К. Кайданова.

Д. Бантыш-Каменский представил труд «История Малой России» (1830 г.). В первой части заметным достоинством книги является внушительный список используемых источников, подробно разделенных историком на «рукописи» и «печатные» [1, с. VII–XX]. Касаемо Переяславской Рады 1654 г., идентифицируются «присоединение», «торжественное присоединение», «царь Алексей Михайлович уважил просьбу покорившегося ему правоверного народа» [1, с. 349, 351, 359].

Что указывается о характере войны во второй части «Истории...»? Есть ли здесь «освобождение»? Рассказывая о возвращении в Чигирин (1656 г.), Дмитрий Николаевич упоминал: «Хмельницкий отправил к Государю благодарственное письмо от всей Малой России, за освобождение сего края от Египетского ига Польского и за принятие под крепкую его Высокомонаршую руку»; сославшись на «Летописца Малыя России», изданного Ф. О. Туманским (1793 г.) [2, с. 7].

Признание Б. Хмельницкого об «освобождении» носило религиозный оттиск, наподобие «Избавителя» у П. Львова. В случае с иносказанием «Похвального слова...», Д. Бантыш-Каменский счел необходимым обратиться к первоисточнику, что выгодно отличило его от предшественников. «Освобождение» Войска Запорожского и «присоединение» Великого княжества Литовского и Королевства Польского (попытка царя Алексея Михайловича избраться королем Речи Посполитой – А. П.) различается на страницах «Истории...» че-

рез диалог В. Бутурлина и Б. Хмельницкого (когда гетман находился при смерти – А. П.) [2, с. 14–18]. Историческая оценка Д. Бантыш-Каменского в отношении Б. Хмельницкого примечательна своей взвешенностью: «Столь много сделал добра Малороссиянам, что им нельзя не любить его, и столько зла причинил Полякам, что они могли его ненавидеть» [2, с. 22]. При заключении Андрусовского перемирия «освобождение» не выглядело таковым. Историк больше склонился к мысли о большем подчинении Войска Запорожского Московскому государству, вызванного долгой войной с Речью Посполитой и внутренними распрями между казацкими группами [2, с. 85–88].

В 1831 г., в Санкт-Петербурге, вышел труд В. Берха об эпохе царствования Алексея Михайловича. Историк взаимосвязывает Московское государство и Войско Запорожское в качестве «подданства Малороссии», «спасения казаков» и религиозного *casus belli*: «Унияты хотят истребить в Польше и Литве Греческую веру и предать мечу всех исповедующих оную, почему Богдан Хмельницкий и просит принять его в подданство и дать ему трехтысячный корпус вспомогательного войска» [3, с. 78, 137. Цит. на с. 83].

На первый взгляд, хроника должна разворачиваться в привычном понимании войны освободительной. Излагая год начала Шведского похода, Василий Николаевич обратил внимание, что «шведы завладели большею частью оной (Королевства Польского – А. П.), россияне разорвали Литву, а казаки отторгли Чермную Россию (Червонную Русь – А. П.)». Идентично П. Львову, присутствуют упоминания о завоевательной перспективе Тринадцатилетней войны. Сверх того, интересен приезд царя в Вильну (конец июля – начало августа 1655 г. – А. П.) после ее разорения: «Сожгли все мечети, Католическия и Лютеранския кирхи. Пребывание Москвитян поселило во всех страх и ужас. Все желали, чтобы Шведы скорее заняли страну сию»; В. Берх сомневается в том, что именно так все и происходило, ввиду христианской натуры царя Алексея Михайловича, но не исключил случаев грабежа [3, с. 102–103].

Полоцкий эпизод, связанный с пребыванием царя в 1656 г. в городе, примечателен эпитетом «преданности их к России (полочан – А. П.)», увязывавшемся с ускорением сдачи города и хорошим отношением с царской стороны [3, с. 111]. Сам факт «преданности» не означал конкретного «освобождения», не встречающегося в тексте. «Освобождение» встретилось в смысле сокращения царских обязательств по отношению к казакам Правобережья при заключении перемирия в Андрусове: «Казаков же, обитающих по другую сторону Днепра, от Киева, Российский Царь освобождает от присяги на верноподданство и не примет их под свое покровительство»; аналогичное относилось и к польскому королю [3, с. 198].

Принадлежность Великого княжества Литовского в военные годы к Московскому государству описывается не иначе как «владея всем», что не являлось таковым (крепости, вроде Старого Быхова, Несвижа, Слуцка и Ляховичей, не были взяты до Виленского перемирия 1656 г. – А. П.) [3, с. 123]. Комментируя завоевания, В. Берх указывал именно на «занятие» литовских земель [3, с. 132].

Автор учебников по русской истории, И. Кайданов, в «Начертании истории Государства Российского» (1834 г.), свел воедино языки описания, религиозный и политический. Помимо общего для первой половины XIX в. религиозного *casus belli*, историк высказался о прагматической стороне военных событий: «Политика, слава и выгоды должны были побудить Царя принять Малороссию под власть Свою» [8, с. 189]. Вместе с тем, усилив антагонизм отношений Москвы и Варшавы: «Узы родства и единоверия побудили их (Б. Хмельницкого и Войско Запорожское – А. П.) отдаться также в подданство Царя Российского» [8]. Набор глаголов, отражающих действия Московского государства, весьма примечателен: «обратил свое оружие; покорил; овладел; удержала владычество» [8, с. 190, 192].

Такой дискурс явил царя Алексея Михайловича защитником православия и покорителем земель Речи Посполитой. Трудности войны И. Кайдановым больше сопрягались с экономическими причинами, а не истощением военных сил государства [8, с. 191]. По внутренней структуре, «Начертание...» ближе к литературоцентричным работам П. Львова и Р. Зотова, нежели Д. Бантыш-Каменского и В. Берха. Последние два историка стремились к научному видению русской истории, первые двое же, напротив, использовали литературные приемы для передачи возвышенных / негативных оттенков иллюстрируемой истории Московского государства.

Более всех вышеперечисленных, научный и литературный элементы Тринадцатилетней войны скрепил Н. Устрялов. Его *cujus regio, ejus lingua* (чья страна, того и язык – А. П.), «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?» (1838 г.), станет настольной книгой нескольким поколениям будущих западнорусистов, начиная с М. О. Кояловича. Усилить авторитетность мнения, впервые устремляющегося к истории Великого княжества Литовского, могло и избрание Н. Устрялова в Академию наук (с 1837 г.). Что представил историк на 42 страницах?

Во-первых, Н. Устрялов начал с дедукции русской истории; придавая ей непознанность: «поля ея еще так мало возделаны, что редкий соберет с них обильную жатву» [15, с. 7]. Из этого следует: проблемная область исследования будет обнаружена через частные примеры. Какие конкретно подбирал историк?

Во-вторых, корень частных примеров помещался Н. Устряловым в период удельного Средневековья: «Мы думали найти в удельном периоде феодальную систему, и результатом одной этой ошибки был неправильный, односторонний взгляд на всю Русскую Историю» [15, с. 8].

В-третьих, историк отразил проблему историописания через ракурс двух версий (интегрирующей / обособляющей); либо как часть единой Руси, или регион польского государства [15, с. 11–12]. До него подобные вопросы о значении истории литовской применительно к русской не поднимались. Задав высокие запросы, Н. Устрялов придерживался генерального плана своего дискурса во всем тексте.

Сквозь труд проходила мысль о двух вариантах Руси, Восточной (оформленной в Московское государство) и Западной (в ситуации удельного периода, покоренной литовцами) [15, с. 15–16]. Упадок русского начала в Литве Н. Устряловым разбирался католичеством, полонизацией и унией; также и неизменными интересами русских царей [15, с. 18–20, 24–25]. Из того появилась мысль об окончании «ига татарского» в Восточной Руси и наступлении «ига польского» в Западной?

Правильный, с точки зрения Н. Устрялова, дискурс раскрывался наличием наследственных врагов, сформировавших иго, – католичества, иезуитов, польских историков, – мешающих понять положение вещей [15, с. 31–32, 37]. В итоге, все составляющие идеологемы С. Уварова обретали жизнь в недрах исторической работы. Вернее, ее пролога / пролегомены.

Насыщенный фрагмент не показывал «освобождения» напрямую, указывая на степень подданства: «Видеть, как страдала Русь под ярмом польским, как боролась она со своими гонителями, как изнемогала, падала, изобразить все бедствия наших единоплеменников, отторгнутых от лона общей матери случайным сцеплением обстоятельств, и снова возвращенных под кров родимый, представить все это, – есть без сомнения одна из важнейших черт Русского бытописателя» [15, с. 38]. Очевидно, наблюдается присутствие не канцелярита, а гиперболы. По этой причине, сложно сразу отличить мнение историка с воспроизводимым им дискурсом государственной политики.

Иллюстрируемый пассаж решительным образом возвеличивает религиозный оттенок войны «за возвращение». В XVII – XVIII вв. историописатели использовали языки описания, выстраивая нарратив по пропорциям, ими подобранными. Наставление Н. Устрялова отчетливо указывает на способ дальнейшего исторического изучения Великого княжества Литовского. Тем самым, связав экспрессивную подачу поводов для военных действий со стороны Московского государства с

прямым государственным интересом. Таковой предстала реализация запроса на историю Великого княжества Литовского.

О Тринадцатилетней войне историк отозвался кратко, предпочтя использовать «соединение Литовского княжества с Московским в одну державу» [15, с. 24]. Война шире раскрыта в учебном студенческом пособии «Русская история» (1839 г., ч. II). На конкретном историческом примере Н. Устрялов поэтапно воплотил задуманное.

Повод к войне, возводимый к религиозному компоненту, у историка обрел новое дыхание: Яну Казимиру, по сути своей, был отправлен ультиматум (у Н. Устрялова – посольское объявление; ультиматум – личное мнение – А. П.) с требованием выполнить статьи Зборовского договора, прекратить преследования диссидентов и избавить Малороссию от уни; в обмен царь прощал обиды за старые оскорбления по части титула [16, с. 227]. Условия, затребованные со стороны Московского государства, вряд ли являлись исполнимыми. Показывая ход кампаний первых двух годов, Николай Герасимович использовал единицы «овладение», «занятие», «присоединение», «возвращение» [15, с. 229–231, 239]. «Освобождения» среди них не обнаруживается.

Дополняя свой дискурс, Н. Устрялов обращался к очевидному, не избегаемому презентизму: (подразумеваются слова Сигизмунда III про будущее Речи Посполитой – А. П.) «Польша рано или поздно будет добычею соседей, что Россия, Австрия, Пруссия разделят ее по частям и уничтожат ее самобытность» [15, с. 239]. Актуализация исторического прошлого подводится к невозможности иного варианта событий.

Пруссии в виде самостоятельного государства, как таковой, в эти времена не существовало. До 1657 г. герцогство Пруссия находилось в вассальной зависимости от Речи Посполитой. Фактической стороной в Велявско-Быдгощском договоре выступал Бранденбург, а не сама Пруссия. Все это дает основание полагать, что слова Сигизмунда III использованы Н. Устряловым для обоснования субъективного видения истории.

Таким образом, семиотическая «граница» и герменевтическая «окациональность» частично выполнили свое назначение. Понятие «освобождение» расположено посередине между религиозным и политическим пространствами; по большей части, оно заменено синонимами, меньше использовано по прямому назначению. Нарратив «освобождения» проделал огромный путь от слова, вначале скрытого, но воспринимаемого по тексту исторических работ. Отразившись, прежде всего, «присоединением» и «возвращением». К целой конструкции, обслуживавшей политико-идеологическое (на религиозном и династическом мотивах – А. П.) сопровождение Тринадцатилетней войны, продолжив завуалированное и эксплуатируемое состояние.

В XVII–XVIII вв. накапливались знания о войнах Московского государства и Речи Посполитой, излагаясь в виде хроники. Вариативность дискурсивного описания предлагала несколько познавательных траекторий, не отменяющих / нивелирующих информацию друг друга. Во времена Николая I не случайно активизировалась «экспансия» на историческое пространство Российской империи, объясняющаяся подавлением польского Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Закономерен вывод, что историография первой половины XIX в. подготовила и выпустила «в тираж» эмоциональную окраску Тринадцатилетней войны, лишь используя ее. Сенсуальность не оглашалась объясняющим инструментом, – признавалась на свидетельствах завоеваний.

Год выхода «Русской истории» отмечен важным событием, Полоцким собором 1839 г., положившим конец существованию самостоятельной униатской церкви и иерархов на территории Российской империи. Семья будущего историка М. Кояловича была близка епископу Литовской греко-униатской епархии И. Семашко. Вместе с большинством униатского духовенства епископ упразднил последствия Брестской унии 1596 г. Вторая половина XIX в. придется на М. Кояловича и его учеников-западнорусистов «звездным часом». Религиозная версия войны 1654–1667 гг., с опорой на политический контекст, обретет вторую жизнь, а вместе с ней создаст жизнеспособную интерпретацию военных событий как акт собирания древнерусских земель, в противовес польскому видению истории Великого княжества Литовского.

Литература

1. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Часть первая. М.: В Типографии Семена Селивановского, 1830. 360 с. + 84 с. примеч.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Часть вторая. М.: В Типографии Семена Селивановского, 1830. 223 с. + 62 с. примеч.
3. Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. В 2-х ч. Часть первая / Издал И. Слѣнин. СПб.: Печатано в типографии Х. Гинце. 1831. 314 с.
4. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: «Искусство», 1991. 367 с.
5. Гизель И. Киевский синопсис или Краткое собрание от различных летописцев о начале Славенороссийского народа и первоначальных Князех Богоспасаемого града Киева / Второе издание Киевское исправнейшее. Киев: Печатано в Типографии Киевопечерской лавры, 1823. 105 с.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
7. Зотов Р. М. Военная история Российского государства в 2-х ч. Часть первая. СПб.: В типографии Александра Смирдина, 1839. 210 с.
8. Кайданов И. К. Начертание истории Государства Российского / Сост. Иваном Кайдановым. Издание четвертое. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1834. 444 с.
9. Ломоносов М. В. Краткой российской летописец с родословием / Сочинение Михаила Ломоносова. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1760. 75 с.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман; ред. Т. Д. Кузовкина. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
11. Львов П. Достопамятное повествование о великих государях и знаменитых боярах XVII в., взятое из российской истории / Сочинение Павла Львова. М.: В Университетской Типографии, 1821. 189 с.
12. Манкеев А. И. Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь А. Я. Хилковым / Предисл. Г. Ф. Миллер. М.: Печатано при Императорском Московском Университете, 1770. 392 с.
13. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Часть IV. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1822. 1272 с.
14. Словарь церковно-славянского и русского языка / Составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. Т. III. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1847. 590 с.
15. Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? / Соч. Н. Устрялова, читанное на торжественном акте, в Главном Педагогическом Институте, 30 декабря 1838. СПб.: в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.
16. Устрялов Н. Г. Русская история. Издание второе, исправленное. Часть вторая. СПб.: в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. 364 с.
17. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд. М.: Изд-во «Флинта» 2011. 480 с.

References

1. Bantysh-Kamensky D. N. Istoriya Maloi Rossii. Chast' pervaya (History of Little Russia. Part one). Moscow: In the Printing House of Semyon Selivanovskiy, 1830. 360 p. + 84 p. notes. (In Russian).
2. Bantysh-Kamensky D. N. Istoriya Maloi Rossii. Chast' vtoraya (History of Little Russia. Part two). Moscow: In the Printing House of Semyon Selivanovskiy, 1830. 223 p. + 62 p. notes. (In Russian).
3. Berkh V. N. Tsarstvovanie tsarya Alekseya Mikhailovicha. V 2-kh ch. Chast' pervaya (The reign of Tsar Alexei Mikhailovich. In 2 parts. Part one) / Published by I. Slyonin. Saint Petersburg: Published in the Printing House of H. Ginze, 1831. 314 p. (In Russian).
4. Gadamer H.-G. Aktual'nost' prekrasnogo (The Relevance of the Beautiful) / Trans. from German A. V. Mikhailov. Moscow: «Art», 1991. 367 p. (In Russian).

5. Giesel I. Kievskii sinopsis ili Kratkoe sobranie ot razlichnykh letopistsev o nachale Slavenorossiiskogo naroda i pervonachal'nykh Knyazekh Bogospasaemogo grada Kieva (Kiev synopsis or Brief collection from various chroniclers about the beginning of the Slavic Russian people and the original Princes of the God-saved city of Kiev) / The second edition of the Kiev most correct). Kiev: Printed at the Kiev Pechersk Lavra Printing House, 1823. 105 p. (In Russian).
6. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov (Dictionary of linguistic terms). 5th edit, corr. and suppl. Nazran: Ltd "Pilgrim", 2010. 486 p. (In Russian).
7. Zotov R. M. Voennaya istoriya Rossiiskogo gosudarstva v 2-kh ch. Chast' pervaya (Military history of the Russian state in 2 parts. Part one). Saint Petersburg: In the Printing House of Alexander Smirdin, 1839. 210 p. (In Russian).
8. Kaidanov I. K. Nachertanie istorii Gosudarstva Rossiiskogo (Tracing of the history of the Russian State) / Comp. Ivan Kaidanov. 4th edition. Saint Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1834. 444 p. (In Russian).
9. Lomonosov M. V. Kratkoi rossiiskoi letopisets s rodosloviem (Brief Russian chronicle with ancestry) / Composition by Mikhail Lomonosov. Saint Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1760. 75 p. (In Russian).
10. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya (Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history) / Yu M. Lotman; ed. by T. D. Kuzovkina. Moscow: «Languages of Russian Culture», 1996. 464 p. (In Russian).
11. Lvov P. Yu. Dostopamyatnoe povestvovanie o velikikh gosudaryakh i znamenitykh boyarakh XVII v., vzyatoye iz rossiiskoi istorii (Memorable story about the great sovereigns and famous boyars of the 17th century, taken from Russian history) / Composition by Pavel Lvov. Moscow: In the University Printing House, 1821. 189 p. (In Russian).
12. Mankeev A. I. Yadro rossiiskoi istorii, sochinennoe blizhnim stol'nikom i byvshim v Shvetsii rezidentom, knyaz' A. Ya. Khilkovym (The Core of Russian history, composed by a neighbour stolnik and former resident in Sweden, by Prince A. Ya. Khilkov) / Foreword G. F. Miller. Moscow: Printed at the Imperial Moscow University, 1770. 392 p. (In Russian).
13. Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi. Chast' IV (Dictionary of the Russian Academy, alphabetically arranged. Part IV). Saint Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1822. 1272 p. (In Russian).
14. Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka (Dictionary of Church Slavonic and Russian) / Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Vol. III. Saint Petersburg: In the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1847. 590 p. (In Russian).
15. Ustryalov N. G. Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoi istorii dolzhno zanimat' Velikoe knyazhestvo Litovskoe? (Study of the question, what place in Russian history should the Grand Duchy of Lithuania take?) / Comp. by N. Ustryalov, read at the solemn act, at the Main Pedagogical Institute, December 30, 1838. Saint Petersburg: In the Printing House of the Expedition for the Provision of State Papers, 1839. 42 p. (In Russian).
16. Ustryalov N. G. Russkaya istoriya. Izdanie vtoroe, ispravlennoe. Chast' vtoraya (Russian history. 2nd edition, corrected. Part two). Saint Petersburg: In the Printing House of the Expedition for the Provision of State Papers, 1839. 364 p. (In Russian).
17. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety (Encyclopaedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings) / ed. by A. P. Skovorodnikov. 3rd edit. M.: FLINTA, 2011. 480 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Прокофьев Александр Игоревич – аспирант Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук / al_prokofjew@mail.ru
Адрес: 16, ул. С. Ковалевской, 620108, Екатеринбург, Российская Федерация

Information about the author

Alexandr I. Prokofiev – Post-graduate student, Centre for Social History of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences / al_prokofjew@mail.ru
The address: S. Kovalevskoy str., 16, 620108, Ekaterinburg, the Russian Federation